

А. М. Соколов

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГОРИЗОНТ РУССКОЙ ИСТОРИИ*

Статья посвящена проблеме ценностных оснований и ориентиров развития российского общества. Автор исходит из того, что история России состоит из двух периодов. В IX–XVI вв. русские земли противостояли восточно-азиатским кочевническим квазигосударствам, это период открытия евразийского горизонта. С XVII в. по настоящее время происходит освоение евразийского пространства в сопряженном противостоянии западноевропейской буржуазной цивилизации. Характер этого противостояния обусловлен различием духовно-интеллектуальных и социально-политических оснований западной и русско-российской моделей исторического развития. В этом историческом противостоянии оформляются евразийские принципы социокультурной организации бытия. Библиогр. 2 назв.

Ключевые слова: русская историософия, евразийский мир, мировоззренческая интуиция, цивилизационный выбор.

A. M. Sokolov

EURASIAN HORIZON OF RUSSIAN HISTORY

The article is devoted to the problem of value bases and guidelines for development of Russian society. The author assumes that the history of Russia consists of two periods. From IX to XVI century Russian lands resisted East Asian nomadic quasi-States. This period is the opening of the Eurasian horizon. The period from the seventeenth century to the present has seen the development of the Eurasian space in the dual opposition of the Western European bourgeois civilization. The nature of this conflict is caused by the difference of the spiritual-intellectual and socio-political foundations of Western and Russian—the Russian model of historical development. On the other hand in this historic confrontation issued Eurasian principles of sociocultural organization's existence. Refs 2.

Keywords: Russian historiography, Eurasian world, philosophical intuition, civilizational choice.

Социальную значимость общность людей сохраняет до тех пор, пока она способна задаваться вопросом о своем предназначении. Масштаб осмысления этого предназначения в конечном счете определяет исторический горизонт ее существования. В развитии русско-российского самосознания можно выделить две стадии. Первая из них, обусловленная противостоянием русских земель восточно-азиатским кочевническим квазигосударствам в период IX–XVI вв., завершилась образованием Московского царства, освященного религиозной идеей о Москве как Третьем Риме.

Вторая стадия началась преобразованиями Петра I, нацеленными на модернизацию Русского государства, переориентацию его на западноевропейские идеалы Просвещения. Российская империя, охватившая обширнейшие пространства Евразии, стала ее геополитическим олицетворением. Однако видимое величие

Соколов Алексей Михайлович — доктор философских наук, профессор, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; docentsokolov@yandex.ru

Sokolov Aleksei M. — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; docentsokolov@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Биополитика и альтернативы цивилизационного развития», № 15-03-00553.

России содержит в себе драматическое противоречие. Триста лет она стремится стать полноправным членом европейского сообщества и триста лет терпит неудачу, регулярно сталкиваясь с угрозой утраты политического и духовного суверенитета. Польское вторжение в начале XVII в., французское — в начале XIX в., немецко-фашистское — в середине XX в. выявляют сущность цивилизационной стратегии западного мира в отношении России. Не будет большим преувеличением сказать, что трехсотлетняя история интеграции России в Европу — это история борьбы нашей страны за политическую, экономическую, идейную самостоятельность. Попеременное увлечение англо-, франко-, германофильством всегда заканчивалось для нас глубочайшим социокультурным потрясением, вынуждающим к радикальным решениям, логика принятия которых становится понятной лишь по прошествии более или менее длительного времени.

Понятно, что любой выбор совершается конкретным лицом или относительно немногочисленной группой лиц. Однако исторический масштаб выбор обретает, если он согласуется с соборной волей людей, в чьих интересах он делается. Другими словами, природа исторического выбора всегда соборна. Князья Владимир Киевский и Дмитрий Донской, цари Иван Васильевич и Петр Алексеевич или ЦК ВКП(б) своими мироустраивающими деяниями, по-видимому, воспроизводили одну-единственную интуицию, которая каждый раз по-новому актуализировалась то как Киевская Русь, то как Московское царство, то как Российская империя, то как Советский Союз.

В самом деле, любая мыслительная деятельность всегда завершается тем или иным действием. Любое наше решение подготавливается более или менее длительным размышлением. И зачастую выбор не может быть сделан в силу или ограниченности информации, или невозможности ее оценить. Тогда, видимо, задействуются дорефлексивные, предрассудочные основания принятия решений. Такие основания предопределены самим стилем мышления, воспитанным, вскормленным вековым опытом освоения пространственно-временного горизонта бытия многими поколениями людей. В любой, даже самый, казалось бы, незначительный, но продуктивный миро- и жизнеутверждающий волевой акт включен духовный опыт предков и современников. Тем более это относится к решениям эпохального масштаба.

Национально-историческое самосознание от этнокультурного отличает не просто наличие памяти о наиболее значимых событиях своего прошлого, но стремление уловить их внутреннюю связь, глубинное родство, единый смысл при всей внешней несхожести и хронологической удаленности. Национально-историческое самосознание, подобно зрелому индивидуальному самосознанию, отдает себе отчет в том, что ни одно из удерживаемых памятью событий не было случайным. Случайным может оказаться тот или иной объективный факт. Событие же — как переживание и потому субъективация, освоение произошедшего явления — включается в миропорядок именно духовным опытом отдельного человека или какой-либо общности. Историческая память, общая для этнокультурного и национально-исторического уровня самосознания, выступает результатом непосредственного духовного опыта. В опыте коллективной памяти народа актуализируется социокосмическая интуиция его существования. На национально-историческом уровне происходит рациональное истолкование этого опыта, выявляющее ценностно-

смысловые константы, определяющие структуру цивилизационного пространства. Фактографическая видимость трансформируется в феноменологический горизонт, в перспективе которого последовательность и рядоположенность фактов задаются взаимоопределением их смыслов, порождающих особую логику миропорядка. К примеру, с точки зрения западной историографии важнейшие сражения Второй мировой войны произошли в Африке и Юго-Восточной Азии, а промышленный потенциал США обеспечил техническое превосходство армий антигитлеровской коалиции. В нашей же стране ни у кого не вызывает сомнения то обстоятельство, что без побед Советской Армии в Сталинградской и Курской битвах, без тотальной эвакуации военных предприятий за Урал не могло быть речи о разгроме Третьего Рейха. Кроме того, именно такие события, как победы под Сталинградом и Курском, позволяют полноценно судить о величии подвига, совершенного народом глубоко в тылу.

Другими словами, речь идет о том, что различие смысловых полей, охватывающих один и тот же сегмент реальности, зиждется на признании в качестве константных событий разных фактов. Поэтому и в хронологическом изложении материала неизбежны условно произвольные пропуски или вероятные допущения, приводящие к несовместимости параллельно сосуществующих представлений.

Какова же причина подобной несовместимости? По-видимому, не стоит говорить о тривиальной предвзятости. В данном случае мы имеем дело как раз со столкновением мировоззрений на дорефлексивном, предрассудочном, т. е. интуитивном, уровне. Исток этого столкновения исторически обозрим: формально его можно отнести к 1054 г., когда произошел первый раскол христианской Церкви, приведший сначала к обособлению Западной Европы, а потом к ее мировой экспансии.

Примерно в XVI–XVII столетиях в Европе произошел системный мировоззренческий переворот, в результате которого оформилось принципиально новое отношение к сущему. Суть этого переворота выразилась в том, что, по словам Хайдеггера, мир стал картиной. Жизнь и всё, что попадает в ее окружение, оказывается произведением искусства. Если еще для мастеров Ренессанса способность творить была предпослана богоподобием человека, то в Новое время любой акт, осуществляемый субъектом, обосновывается его самодовлеющей мыслью. Всё, начиная от индивидуальной судьбы до политических решений, совершается именем свободного разума. Отсюда специфическая мировоззренческая установка: существенно не то, каково сущее само по себе, а то, как оно представлено сознанием и объективировано им.

Интенсивность современной интеграции западных стран наглядно иллюстрирует реализацию исходной интуиции буржуазно-капиталистической цивилизации. Мало у кого вызывает сомнение, что «единая Европа» — это по-настоящему организующий концепт. И всё же его актуальность ограничивается теми социокультурными образованиями, которые в силу объективных причин не могут стать участниками этой интеграции. Россия — прекрасное, но далеко не единственное тому подтверждение. Беларусь, Украина, Молдова, Армения, Грузия вряд ли могут рассчитывать на полноправное членство в Евросоюзе, тем более что его не добиваются даже те страны, которые в него вступили недавно при отчаянном политическом, идеологическом и экономическом давлении со стороны евро-атлантической «метрополии».

Нельзя забывать, что жизненная сила наиболее развитых стран мира обусловлена напряжением, которое создается в их взаимодействии, осуществляющемся на принципах, которые были сформулированы ими в силу специфических социокультурных обстоятельств и культивировались на протяжении нескольких столетий. Приобщение к ним возможно только при условии отказа от собственных исторических корней.

Сравнивая западный (романо-германский) и другие миры, нетрудно видеть их структурные различия. Запад формировался как система ландшафтно обособленных образований, ограниченных в материальных и людских ресурсах. В таких условиях наиболее эффективным, а возможно, единственным фактором развития могла стать только частная инициатива, объективирующаяся на различных уровнях. На индивидуальном уровне она проявилась как частная конкуренция, на социальном — как противоборство относительно замкнутых и относительно самодостаточных образований (цехов, гильдий, городов, государств). При этом с точки зрения подкрепленного субъективистским рационализмом самосознания, как индивидуального, так и социализированного, частное как таковое есть самодовлеющая индивидуальность.

Внутренне любая индивидуальность представляет собой совокупность индивидуальностей более низкого порядка, добровольно «согласившихся» сосуществовать на основе взаимовыгодного обмена. Устойчивость каждой из индивидуальностей гарантируется степенью ее продуктивности, выражающейся в благоустройстве преобразованного хаоса. По выражению А. С. Панарина, структура западной цивилизации выражается формулой «социум — человек — космос». Иначе говоря, «первичен здесь социум, понятый как коллективное предприятие, связанное с эксплуатацией природы» [1, с. 130]. Отсюда нивелирование представления об актуальности какого-либо неизменного, субстанциального начала.

Искусственная технологичность, обеспечившая эффективное развитие в условиях истощенности и ограниченности ресурсов, привела к образованию империалистической, или колониальной, системы мирового сообщества. Вместе с тем в настоящий период истории всё более обостряется противоборство между полярными элементами данной структуры: «метрополией» и «колониями». Прежние «колонии», перехватившие инициативу, наращивают свое присутствие в сфере планетарной экономики благодаря усилиям, направленным не только на экономическую и политическую независимость, но и на идеологическую суверенность.

Здесь нельзя не отметить исключительную роль, которую сыграла в антиимпериалистическом процессе наша страна. Октябрьская революция получила антиколониальный, а следовательно, антикапиталистический международный резонанс. Революционные потрясения стали неизбежным следствием катастрофически обострившихся фундаментальных противоречий между тем укладом жизни, который исторически сложился на основе многовекового опыта нашего народа, и тем укладом, который проник к нам в виде буржуазно-капиталистической модели. Последнее двадцатилетие еще раз подтвердило, что для России и ряда других государств, входивших в состав СССР, западная модель развития противопоказана именно в силу принципиальных культурно-исторических отличий.

История XX столетия убеждает в том, что ни одна из территорий, входивших в Российскую империю и получивших государственную определенность в составе

Советского Союза (включая даже Великороссию), не может самостоятельно сохранить свою социокультурную идентичность. СССР был создан не по большевистскому произволу, а своего могущества достиг скорее вопреки ему. Воссоздание евразийского государства в формате СССР, возможно, было единственным способом избежать угрозы колонизации со стороны мирового капитала. При этом явная военная и скрытая идеологическая (Коммунистический интернационал) интервенции, по-видимому, имели общий исток и общий ориентир. Советское государственное строительство в своих наивысших достижениях было социалистическим лишь в той степени, в какой это не противоречило общим социокультурным принципам евразийского мироустройства. Уже поэтому конкуренция, частная собственность, либеральная демократия, формально-гражданское равноправие изначально были ему не просто чужды, но и принципиально враждебны.

Русско-евразийский мир образовался в пространстве, изобилующем жизненными источниками. Конкуренция в таких условиях оказывается деструктивной, так как наличие неограниченного богатства порождает тенденцию к неограниченному его присвоению. Соперничество может быть конструктивным при условии доминирования сугубо частно-индивидуального, т.е. интеллектуально-волевого (иногда физического), потенциала. В таком случае внешние ресурсы, распределенные между соперничающими сторонами, с одной стороны, обеспечивают обладателей необходимыми для существования благами, а с другой стороны, стимулируют обладателей к интенсификации их использования. Гражданско-правовой механизм при этом гарантирует не просто защиту имущества частных лиц, но и их право осуществления властных полномочий на демократических принципах. Государство регулирует баланс имущественных потенциалов, ограничивая их в случае чрезмерного усиления и поддерживая при ослаблении. В противном случае возникнет угроза нарушения социально-правового баланса.

Как только конкуренция оказывается вне этих условий, ее конструктивно-цивилизационная сущность перерождается в полную противоположность. Захват даровых богатств и отказ от поиска восполняющих технологий их использования (ведь они даровые) оборачиваются утверждением псевдопринципа «война каждого против каждого». Именно так обстояли дела в XVIII–XIX вв., когда борьба за колонии велась между западными державами, а за собственность на средства производства — между отдельными гражданами. Именно так обстояли дела на постсоветском пространстве, распахнувшем двери долларовому капиталу.

Фактическая неисчислимость природных ресурсов евразийского пространства порождает потребность в едином организующем начале, очевидную для всех жизненно заинтересованных сторон. Поэтому евразийское мироустройство может осуществляться исключительно на принципах единоначалия. Вместо персональной заинтересованности (корысти) здесь культивируются соучастность (душевность), соборность, острое переживание общности судьбы (особенно в моменты смертельной опасности). Перечисленные добродетели распространяются не только на людей, но и на природу, «схватывая» нравственным принципом целостность космоса. Природное изобилие космоса нельзя не только присвоить — его нельзя даже освоить. В космосе можно только освоиться, приняв его онтологический нарратив.

Согласно А. С. Панарину, структура нашего бытия раскрывается в логике, прямо противоположной западной: «космос — человек — социум». Это означает такое

отношение к сущему, при котором человек исходит не из абстрактных представлений «виртуализированного замысла», а из сопереживания реальности, вызывающего у него чувства благодарности и благоговения. Глубоко прав был русский философ, считавший, что «тайну энергетики русской души... невозможно описать в привычных терминах социологии — стимулируемости, мотивированности», проистекающих из искусственной социальной обусловленности. Ведь изобилие космической естественной полноты не замыкает человека в ограниченности частного интереса — оно открывает ему неисчерпаемые источники энергии, находящиеся в нем самом. При таком укладе «нет и не может быть труда, производства, социальной активности вообще на принципах эквивалентного обмена стоимостями» [1, с. 96]. Здесь «человек, питаемый энергией вдохновения, идущей от воли, верит в мировое устройство, он неизменно дает больше того, что предусмотрено обменом» [1, с. 99].

В небольшой работе «Хозяин и хозяйство» П. Н. Савицкий, по сути, сделал (в экономическом ракурсе) общий набросок ценностных ориентиров, вокруг которых устраивается мир дарения. Хозяину, в отличие от предпринимателя, присуща забота не столько о «получении наибольшего чистого дохода», сколько о сохранении, укреплении и расширении «полноты функционирования и полноты развития того живого и осязаемого целого, той одухотворенной системы людей и вещей, в качестве которой хозяин воспринимает свое хозяйство» [2, с. 220]. Дарящая сущность хозяина выражается в обеспечении наилучшего состояния каждого элемента этого хозяйства. Особенно замечательно то, что «землю к концу каждого производственного цикла хозяин стремится оставить в состоянии, с хозяйственной точки зрения не худшем, а по возможности — лучшем, чем то, в котором она вступила в производственный цикл» [2, с. 223]. Отношения между хозяином и окружением, в котором он видит источник изобилия, состоят не в использовании полезных свойств вещей и даже не в обмене, а во взаимоотдаче. Поэтому русская колонизация Азии была естественным, необходимым процессом органического развития, экологическим процессом, лишенным политических и прочих привходящих мотивов. Это был процесс активизации евразийской традиции, инициированный русским подвижничеством, выстроенным на отношении дарения — обретения.

Такова таинственная структура дарения, заложенная в русском «православном космоцентризме» (А. С. Панарин), близкая и понятная всем причастным ему культурам. Каждая из евразийских культур предрасположена непосредственно воспринимаемым изобилием к дарению. Ландшафтно-климатическое единство Евразии дополняется духовно-ценностным родством народов, в ней освоившихся. Из этих единства и родства как производные происходят политические, идеологические, бытовые соответствия несовпадающих, но внутренне близких образов жизни, составляющих богатейшую палитру евразийской традиции. Всесторонность соответствий задает достаточно жесткую конструкцию структуры, удерживающей все элементы в единстве. Ведь продуктивность связи между элементами не только ограничена — она, вероятнее всего, уникальна, так же как уникальна среда, в которой эта связь возникает. Потому-то традиционный плюрализм инокультурных практик предполагает державный характер власти, опирающейся на идеологию, предсодержащую в себе жизненные стихии конкретной деятельности. Понятно, что не только оппозиционная деятельность, но и оппозиционная идеология здесь

невозможны, так как будут отрицать конкретную действительность, противоречить ее существу.

Евразийский горизонт русской истории, первоначально открытый монгольской экспансией, был принят первым московским царем в качестве системы ориентиров, предписывающих порядок и направленность деятельности во исполнение задания, «вычитанного» в просторах Великой лесостепи. Расширение границ русского мира на Восток по большому счету означало то, что совершен цивилизационный выбор, поставивший Россию в уникальное положение. Объединение территорий от Тихого океана до Черного и Балтийского морей в единое поле деятельности людей, относящихся к различным этническим, религиозным, социально-бытовым общностям, является событием космического масштаба. Устойчивость отношений, сложившихся и продолжающих складываться в этом поле, подтверждает правильность однажды сделанного выбора.

Вместе с тем движение на Восток — это не только фактическое, но и символическое дистанцирование от западного мира вне зависимости от региональной его представленности (Япония — форпост Запада на Востоке). Следует даже уточнить: евразийский горизонт не имеет отношения ни к Востоку, ни к Азии. Евразийский горизонт охватывает пространственно-временные границы действительности в ее самодостаточности. Конечно, он пока не достиг феноменальной степени определенности в строго философском понимании; ни формальная, ни содержательная его стороны не выражены вполне. Тем не менее советский опыт показал, что Евразия — это глобальный, т. е. естественно сформировавшийся органично-целостный регион, «ожидаящий» своего социально-исторического свершения. Кризис и распад советской системы был связан с чрезмерной увлеченностью экономическими показателями. Пренебрежение к развитию идейно-духовной сферы, усилившееся примерно к 1960-м годам, тормозило и в конечном счете застопорило исторический процесс на шестой части суши.

Литература

1. *Панарин А. С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. 496 с.
2. *Савицкий П. Н.* Хозяин и хозяйство // Савицкий П. Н. *Континент Евразия.* М.: Аграф, 1997. С. 217–253.

Статья поступила в редакцию 16 марта 2015 г.